

Начальная школа Мусутафу, Мусутафу.

«Хисока», - сказала тетя Хаями, сделав глубокий вдох. «Я знаю, что тебе, наверное, уже надоело, что я говорю тебе об этом, но мне нужно, чтобы ты пообещал мне, что не будешь обижать других учеников - даже если разозлишься, хорошо?»

«Я никого не обижу, даже если разозлюсь», - сказал я: «Я обещаю, что буду хорошим, тетя Хаями».

Тетя Хаями долго смотрела на меня, изучая мое лицо в поисках чего-то, чего я не мог понять, а потом, без видимой причины, улыбнулась. На мгновение она расчесала пальцами мои волосы, пытаясь привести их в порядок.

«Хорошо, хорошо», - сказала тетя Хаями, выдохнув. «Хорошего дня, Хисока».

Удовлетворившись этим, она осторожно развернула меня и отправила к школьным воротам. Я шел охотно и безропотно, размышляя о том, изменилось ли здание, в котором я провел всего один день, за время моего отсутствия - последний месяц был не самым лучшим.

Тетя Хаями значительную часть его провела, плача в уединении своей спальни, а я изо всех сил старался не попадаться ей под ноги. Я не собирался усложнять ей жизнь, и это означало дальнейшее уединение, к которому я уже успел привыкнуть.

Дядя Саджин пришел поговорить со мной вчера вечером. По времени разговора было понятно, что речь идет о предстоящем учебном дне, и он потратил некоторое время на терпеливое объяснение чего-то сложного.

Я не совсем понял его, но, кажется, приблизился к пониманию того, что он пытался мне сказать. Это основывалось на наших предыдущих беседах, и в них он направлял меня на то, чтобы я активно думал о том, как люди вокруг меня реагируют друг на друга. Заглянуть под поверхность, за слова, которые они использовали, или тон, которым они их произносили, к тому, что они на самом деле пытались передать, и использовать более широкий контекст того, чего хотел я и чего хотели они, чтобы определить, что на самом деле передается.

До этого момента все происходило почти бессознательно, и теперь, когда я осознал, что должен это делать, меня не покидало ощущение, что все, что я говорил до этого момента, было бесконечной чередой ошибок.

Я почти полностью полагался на шаблоны, фразы, слова и жесты, которые наблюдал у окружающих, а затем подражал им сам - но это срабатывало только тогда, когда действие соответствовало контексту, в котором оно было сказано.

В тот день, когда я использовал ложный секрет доктора Мими, чтобы остановить плач Нанами, это сработало, потому что Нанами любила секреты, и, хотя я не рассказал ей ни одного, она подумала, что я его рассказал.

Мне нужно было начинать думать о таких вещах заранее, продумывать, что я должен сказать и

что сделать, задолго до того, как возникнет ситуация, в которой мне это понадобится. Мне нужно было работать над этим каждый день, и точно так же я должен был работать над тем, чтобы научиться контролировать свою причуду - возможно, в этом и заключался секрет того, почему дядя Саджин всегда знал ответы на мои вопросы.

«Сила и упорство», - сказал я.

Если бы я думал об этом с точки зрения всех остальных, кто был вовлечен в ситуацию, то, возможно, не сделал бы выбор в пользу того, чтобы сломать Хару руку.

Если бы я думал об этом достаточно долго, то, возможно, нашел бы более разумное решение, которое не доставило бы тете Хаями много хлопот. Если бы я просто подумала об этом, то, возможно, поняла бы, что не увижу свою единственную подругу в течение целого месяца.

«Привет, Нанами», - сказал я.

«Хисока», - зарычала Нанами, чуть не задушив меня в попытке заключить в самые крепкие объятия, которые я когда-либо испытывал. «Ты тупица».

Прости, дядя Саджин, я опять все испортил.

Поместье Хигавара, Мусутафу.

Величайший герой мира был очень странным человеком, или, по крайней мере, так казалось. Я никогда не видел, чтобы кто-то улыбался так часто и с такой энергией, как Всемогуший - даже Нанами не была такой жизнерадостной.

Все фотографии этого человека украшала одна и та же сияющая улыбка. Все плакаты, статуэтки и торговые карточки были точно такими же.

На всех видеозаписях в Интернете он улыбался. Даже когда он говорил, вокруг его рта оставался заметен контур улыбки.

Я задавался вопросом, может ли он только улыбаться, а все остальное как-то запрятано, или же у него просто не было ни одного грустного дня или момента, который бы его разозлил. Я подумал, не была ли это улыбка, за которой ничего не стоит, как та, которую я иногда делал, чтобы Нанами тоже улыбнулась.

Казалось, Всемогуший был повсюду, куда бы я ни посмотрел, и если раньше так было всегда, то теперь, когда Нанами заинтересовалась героем, это только усилилось в тысячу раз.

Теперь, в результате этого интереса, я должен был наблюдать, читать или хотя бы знать о каждом из крутых поступков этого человека. Таких вещей было много, и я потратил много времени, читая о нем и других героях, с которыми он был связан.

Материала было очень много, и я не хотел ничего упустить, поэтому пришлось начать с самого начала. Раньше всего я нашел статью, в которой говорилось о совместной работе Всемогущего и Дэвида Шилда в Соединенных Штатах Америки и о том, как эта страна стала источником вдохновения для специальных атак этого человека.

Я не совсем понимал, откуда Нанами черпает информацию об Всемогущем, но, видимо, она много читала - ее решимость стать героем тоже не ослабевала.

Почти все наши разговоры так или иначе сводились к теме героев, злодеев или причуд. Я не возражал против этой темы, потому что причуды - это интересно, а у многих героев и злодеев они были особенно примечательными.

Другие ребята в школе тоже не возражали, потому что герои, похоже, были единственной темой, о которой все хотели поговорить.

Эта информация должна была пригодиться мне для общения с другими учениками, но ее наличие не означало, что я смогу ее использовать.

В результате инцидента с Хару в первый день я нанес непоправимый ущерб своей репутации, и даже сейчас, почти два года спустя, она все еще не восстановилась.

Юкико Сарада начала что-то вроде крестового похода в социальных сетях против директора Кадзу, школы, тети Хаями и меня - и даже сейчас, если я набираю в интернете информацию о школе, я могу найти статьи, в некоторых из которых даже использовалось мое имя.

Сам же Хару Сарада был забран из школы родителями, а не отстранен от занятий за участие в травле, которой подверглись, наверное, все ученики его класса.